

ЗА ИДЕЙНОСТЬ И МАСТЕРСТВО

О молодежи Крымского украинского театра

НАШ Украинский музикально-драматический театр — самый молодой среди профессиональных театров Крыма. И тем не менее именно он показал на недавнем республиканском смотре, наряду с классикой, пьесу о современниках — «На съомому небі» М. Зарудного. В остальных крымских театрах, к сожалению, даже на первый тур смотра таких спектаклей не оказалось.

Украинский театр постоянно обращается к драматургии М. Зарудного. Можно сказать, что это в каком-то мере его драматурги. Такое содружество театра и драматурга, пишущего на современные темы, очень плодотворно, но вместе с тем и ответственно. Глубоко раскрыты образы современников, советских людей, в комедийном жанре — задача отнюдь не легкая. Не пойти по пути утрировки, комикования, облегченных решений и одновременно создать веселый, жизнерадостный спектакль — для этого необходимы хороший вкус, мастерство.

«На съомому небі» смотрится в крымском театре с интересом. Зрители часто и от души смеются. Когда опускается занавес, аплодируют. Стало быть, спектакль не оставляет равнодушными. В этом заслуга режиссера В. Недашковского и других создателей спектакля.

На сцене действительно наш сегодняшний день, с его радостями и заботами, жаждой труда и романтикой мечты, с людьми — обычными и в то же время интересными. Самым дорогим в спектакле для меня стала поэтичность нашей повседневности.

Ее хорошо почувствовал молодой художник Ю. Чурсин. Устремленные ввысь, как бы уходящие к самому небу стволы берез — настолько высокие, что ветвей не видно. Словно в дымке — очертания современного пейзажа с присущими ему «техническими объектами». По-своему поэтична и музыка композитора М. Магальника, которая органически входит в представление.

Что же касается исполнителей, то дело здесь не в отдельных удачах: большинство актеров играет так, что их игра не расходится с основным идеино-художественным решением спектакля. Наоборот, определяется им. Например, над Самоходом (артист А. Сапсай), его причудами зритель почти все время смеется. А когда этот старый чудак появляется в сопровождении оркестра, играющего траурный марш, и горестно прощается со своей надеждой выйти из пенсионного состояния, зритель прямо-таки хохочет. Однако и в подобных сценах Самоход — Сапсай остается не только смешным, но и очень близким нам человеком. Каждому по-

нятна любовь старого машиниста к своему паровозу, желание снова вести состав. Артист не смешит публику, а горюет всерьез, искренне проявляя чувство горечи в соответствии с особенностями своего характера. Сценический образ Самохода тоже получился поэтичным.

В таком ключе ведет свою роль и заслуженная артистка УССР В. Франчук. Ее одесситка Александра при всей склонности к яркой одежде и вычурным прическам, шумным объяснениям и даже атакам против людей, которые пришли не по праву, — в сущности заботливая мать и женщина, жаждущая сердечного тепла.

Я остановилась на работе актеров старшего поколения потому, что давно известно: самое верное средство воспитания молодых — наглядный пример. Отличная игра учит лучше всяких слов.

Не случайно в том же спектакле правдива на сцене молодая артистка Г. Тарасова в роли Варя. Это озорная, решительная девочка, которая удирает «на волю» — в океанские просторы, предпочитая службу на корабле не интересующему ее институту. Можно поверить, что Варя — Тарасова — это внучка Самохода — Сапсая. Между ними нет внешнего сходства, но внутреннее родство ощущимо.

Однако молодежь в спектакле не всегда радует. Среди действующих лиц пьесы есть, к примеру, молодой милиционер Вася. В его драматургическом характере явно заложены возможности для создания яркого сценического образа. Вася — этакий современный Ромео, безгранично влюбленный в Варю. Но стремления любимой ему не очень-то понятны. Кроме того, никакая любовь не заставит его отступить от долга. Вася добродушен и наделен еще целым рядом качеств. Так что артисту А. Шейко жаловаться на бедность драматургического материала не приходится. Зато зритель вправе пожаловаться на неровную игру этого молодого актера. Он играет то правдиво, то не заботясь о психологической достоверности.

Наиболее примечательна в этом отношении сцена, в которой два работника милиции — молодой и пожилой, Вася и Калита (артист Д. Васецкий), ведут разговор о своих любимых. Один — о девушке, другой — о жене. Васин собеседник говорит душевно и вызывает добрую улыбку зрителей рассуждениями о непонятности женского права. А. Шейко «играет из зрителя» несколько горестными позами, интонациями.

Случайны ли эти творческие скачки? Нет. О том, что внимание к молодым со стороны режиссера и других старших товарищей все же недостаточно

но, говорит другой, еще более красноречивый пример, — судьба молодой актрисы А. Кашперской. На первый взгляд, все обстоит благополучно. Актриса занимает одно из ведущих мест в театре и, как принято в таких случаях говорить, «везет репертуар» — молодая, поющая (для музыкально-драматического театра это очень важно) герояня. Она заменила уехавшую в Киев, в театр имени И. Франко Галину Семененко. И заменила по праву: у молодой артистки сильный голос, приятная внешность, специальное образование, способности. Но настоящей игры пока еще нет. В глубину человеческих характеров актриса иногда не проникает.

В пьесе М. Зарудного Инна — вторая внучка Самохода — более «голубая», чем Варя. А в исполнении А. Кашперской она еще «голубее», если так можно выразиться. Не чувствуется больших стараний со стороны режиссера, ни со стороны актрисы придать Инне характер. Недаром главная героиня, эффективно поющая за первым — прозрачным — занавесом в начале спектакля и снова поющая с букетом в руках — в финале, герояня, вроде бы познавшая счастье «седьмого неба», меньше всего запоминается.

Несколько забегая вперед, скажу, что то же самое происходит с А. Кашперской в спектакле «Криминальные танго», хотя там она играет школьницу. Никаких, даже внешних перемен, не говоря уже о внутренних.

Как критик, не могу не быть тревогу. Видимо, в театре довольно, что актриса «выручает», и не задумываются особенно над ее дальнейшей судьбой.

Выручила театр и еще одна молодая способная актриса — С. Вандалковская: без особо длительных репетиций она начала играть роль Тетяни в спектакле «У неділію рано зілля копала». С первой исполнительницей — Т. Подберезиной — много работала заслуженная артистка УССР Н. Сороката, передавая свой опыт. На долю Вандалковской такого счастья не выпало. И все-таки она не подвела. Ее Тетяна — милая, непосредственная девочка, в сердце которой пробуждается первое чувство. Это пробуждение актриса передает очень естественно, не переигрывая. Вспышь в юность, чистоту, искренность Тетяни...

Почти весь спектакль радуясь успеху молодой артистки. Но... начинаешь смотреть последнее действие и задумываешься. Все предыдущие акты артистка играла почти себя, почти свою ровесницу. Стало быть, не столько играла она сама, сколько ее молодость, обаяние, которые вызывали неизменные симпатии зрителей.

В последнем же акте — тра-

гедия Тетяны, ее сумасшествие. Нужно по-настоящему играть. И вот тут-то обнаруживается, что не все еще доступно молодой артистке. Она однозначна в сценах сумасшествия. Если заговорила тихо, ласково — значит следом жди выкриков. Это повторяется много раз. Нет тонких переходов из одного состояния в другое. Даже пессика звучит монотонно. Мотив может быть одним и тем же, слова — тоже, но звучать они должны по-разному.

Мис никто не делал замечаний по финальному монологу Тетяны, — взволнованно сказала Вандалковская после того, как я коснулась ее роли в беседе с творческой молодежью театра.

И напрасно не делали! Заметить — это помочь.

Никогда не забуду, как Галина Семененко, собираясь переходить в киевский театр им. И. Франко, говорила:

— Хочу, чтобы мне было трудней. Здесь, в нашем областном театре, мне слишком легко всеается. Пусть там вырастут из меня душу. Хочу знать, на что я способна.

Характерное признание со стороны молодой талантливой актрисы.

Пусть будет труднее, но полезнее творчески и пынешней молодежи в Крымском украинском музыкально-драматическом театре.

Этого жаждут здесь все молодые, в том числе комсорг театра Г. Белоусов. Познакомилась впервые я с этим артистом не на театральной сцене, а в одной из самых больших аудиторий педагогического института на празднике «Крымская театральная зима». Белоусов сказал, что рад встрече со студентами, преподавателями, что у молодежи театра много вопросов, на которые им хотелось бы услышать ответы зрителей, критики.

— Как мы играем в «Криминальному танго»? Верно или нет? Всегда ли верно? В спектакле занята почти одна молодежь. Ей очень хочется знать квалифицированное мнение. Мы сами недавно со студенческой скамьи.

После разговора артист читал стихи. О комсомольцах — героях Великой Отечественной войны. И читал так проникновенно, что слушатели наградили его громом аплодисментов. А потом еще долго восхищались:

— Какая страсть! Какое искусство!

Под впечатлением этой встречи я с нетерпением ждала новую — на сцене театра, в спектакле «Криминальные танго».

Честно говоря, пьеса Э. Райнштета мне не нравится. Не потому, что там изображены темные стороны жизни. Со злом нужно бороться. А вот настоящей борьбы с ним, мне кажется, в пьесе нет. Положительные персонажи выписаны слишком слабо, очень много любовных решений.

Тем интереснее было узнать, что сделано при постановке

пьесы. Удалось ли уменьшить ее недостатки?

Вскоре после начала спектакля на сцене появляется Янус — Белоусов, зевающий спросонья, несмотря на позднее время и день своего рождения. Кажется, что скуча и скованность у него уместны, оправданы. Однако позднее, в сцене объяснения с матерью, пасущие с собой, Янус остается таким же. А ведь он еще совсем юный, старшеклассник, и сплохой по душе. Правда, благодаря чертам отца, его дурному примеру Янус связывается с плохой компанией, попадает в заключение. Но он не безнадежен.

Г. Белоусов, несмотря на постоянное присутствие на сцене, проходит в спектакле бледной тенью, не заставляя нас полюбить то хорошее, что заложено в Янусе, и возненавидеть то отрицательное, что он приобрел.

Зато другие молодые просто карикатурят изображенные ими характеры. По собственной неопытности, конечно, и по нетребовательности, недосмотрю старших. Скажем, С. Вандалковская играет девицу с красноречивым прозвищем — Сексобомба. Но это же произвело занутавшейся девочонки из села, возомнившей себя западной «дивой». А где эта девчонка?

По же самое можно сказать о Мурке — Тарасовой при первом ее появлении. Зрелая, опытная развратница, а не вчерашняя школьница перед нами. Верно, потом, у следователя, Г. Тарасова находит более точные краски. А «Философ» — Г. Якимишин, наоборот, сдержанней, тоньше других изображающей вначале главаря банды, затем вдруг теряет логику характера этого хищника.

Положительные персонажи неубедительны не только в пьесе, но и на сцене. Никакого обаяния, привлекательности у Юки — Кондратенко. Лилия — Кашперская, эта положительная старшеклассница, почему-то ходит с пышной прической взрослой женщины, а в некоторых актах носит платье, которое по броскости не уступит туалетам Мурки и Сексобомбы. Исполнение роли страдает и внутренней неопределенностью.

Положительные персонажи неубедительны не только в пьесе, но и на сцене. Никакого обаяния, привлекательности у Юки — Кондратенко. Лилия — Кашперская, эта положительная старшеклассница, почему-то ходит с пышной прической взрослой женщины, а в некоторых актах носит платье, которое по броскости не уступит туалетам Мурки и Сексобомбы. Исполнение роли страдает и внутренней неопределенностью.

Как могли пройти мимо этого художественный совет театра, режиссеры, опытные артисты?

В нашем Украинском музыкально-драматическом театре много способной молодежи. Некоторые из молодых уже находятся на правильном пути в искусстве, другие еще ищут себя. Но всем им необходимо уделять больше внимания. И прежде всего со стороны режиссера. Режиссер — не только постановщик спектакля, но и педагог, помогающий молодому актеру вырасти в искусства бойца театрального фронта. Нужна помощь, постоянная, повседневная, и требовательность. Без требовательности не вырастет ни один талант.

Пусть будет больше в театре молодых по возрасту и зрелых идейно мастеров искусства!

Марианна НОВИКОВА.